

НИКОЛАЙ ВОРОНОВ

ДОЛИНА
РИОНА

Николай Ильич Воронов

Долина Риона

Аннотация

«Черное море на этот раз глядело действительно черным. В глубоких волнах его отражались одни лишь тучи, заслонявшие все небо. Мы плыли в нескольких милях от Мингрелии, но берега ее казались с палубы парохода неясным призраком. Сверху падал мелкий дождь, снизу поднимался туман, от берега также сквозь дождь полз туман: все бралось сыростью, все глядело кисло, неприветливо...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Николай Воронов

Долина Риона

(Из путевых воспоминаний)

Черное море на этот раз глядело действительно черным. В глубоких волнах его отражались одни лишь тучи, заслонявшие все небо. Мы плыли в нескольких милях от Мингрелии, но берега ее казались с палубы парохода неясным призраком. Сверху падал мелкий дождь, снизу поднимался туман, от берега также сквозь дождь полз туман: все бралось сыростью, все глядело кисло, неприветливо.

Вдруг море изменило свой цвет. Черные его воды как бы разом загрязнились, помутясь посторонними примесями, и пошли переливаться то свинцом, то аспидом, то охрой. Оглянувшись назад, можно было ясно очертить границу этой мутной воды, от которой чистые волны моря вежливо уклонялись, как бы боясь от нее загрязниться. А между тем эта загрязненная всякими примесями масса воды когда-то считалась священной... Словом, мы вступили в бассейн Риона, древнего Фазиса – одной из четырех великих рек земного рая; водою этой реки, по словам греческих географов, древние моряки запасались как святыней и как лучшею водою в мире...

А от берега все еще отделяло нас несколько миль. Не ско-

ро туманные очерки его обозначились определенной поло-
сою леса, густого, точно бесконечного леса, выпускавшего из
себя двумя рукавами всю обильную массу рионской воды. В
устьях этих рукавов вода вздымалась белыми гребнями: это
речной бар, не пускающий в Рион большие суда, почему и
наш пароход бросил якорь в почтительной дистанции от этой
сердито-пенящейся преграды.

Глядя на сплошь поросший лесом берег, трудно догадать-
ся, что мы пристали к портовому городу: его и не слышать и
не видеть. Правда, у самого леса заметны два-три шалаша –
вероятно, для таможенной стражи, а на просторном, откры-
том с моря рейде покачиваются на волнах всего два-три ка-
зачьих сторожевых баркаса. Но не сомневайтесь, порт здесь
действительно есть, и в доказательство этого – смотрите –
из лесной чащи дымит уже маленький пароход, скользит и
прыгает по белеющему речному бару... Вот он добегают к на-
шему грузному судну, забирает пассажиров и кладь и снова
убегает в лесную трущобу. Стало быть, где-нибудь же най-
дем мы пристанище, отыщем порт...

И вот на этом маленьком пароходе мы вошли в южный ру-
кав Риона. Справа – лес, слева – лес; идем этой аллеей вер-
сты две, идем шибко по мутной извилистой реке, шириной
в этом месте саженой в шестьдесят, и, наконец, направо по-
казываются людские жилища – небольшая куча деревянных
домиков, всех с полсотни, да и те смотрят не то бараками,
не то амбарами, а за ними – серые стены полуразрушенной

крепости. Это и есть портовый город Потти.

Впрочем, не беда, что он такой маленький и неказистый. Ведь он еще дитя – порт, не проживший и десяти лет. Куда ж ему выситься и шириться! Благо уж, что он, как ни на есть, стоит и не увяз в этой лесной и болотной трущобе. И что он не увязнет – в этом порукой могут служить его патроны, которые ухаживают за ним с отеческой заботой, планируют его, обстраивают и устраивают. Дай же ему Бог всяческого благоденствия!¹

Но – пока соорудят здесь гавань, пока проведут к ней железную дорогу, пока, наконец, минет детство этого порта и станет он выситься, шириться, служа настоящими воротами для торговли Закавказья с Европой, – все же не мешает оглядеть его теперь как калитку этих будущих ворот. С виду она действительно не очень пригожа. Пристанью служит какая-то стенка, подле которой склепано несколько досок. Затем – тут же и весь город: улицы узенькие, тротуаров нет, хотя почва топкая, а деревянные домики – весьма оригинальной постройки. Так как местность здесь болотистая, то придумали ставить строения на бревнах, вышиною в один и в два аршина; на эти бревна кладутся балки, на балках же настилается пол, и возводится весь бревенчатый остов дома. Такой способ постройки, вероятно, очень удобен для со-

¹ Об устройстве порта в Потти и о предпринятых на этот случай работах смотрите статьи господина Шаврова, Морск. сборник. 1863 г. № 12, а также № 4, и 1862 г. № 9 и 10.

бак и свиней, которые под домами всегда могут находить для себя прохладные прогулки и спокойные ночлеги... Болотистую почву города предположено осушить дренажом, для чего прорыты и канавы; но вода, собираясь в них, не находит стока и гниет, заражая и без того нездоровый воздух, тогда как, казалось бы, можно было дать сток этой воде прямо в Рион. На торговую роль города намекают только стоящие у пристани турецкие кочермы и мингрельские каюки.

Однако, чтобы поскорее скрасить всю неблагоприятную наружность дитяти-порта, спешу сказать, что уже и теперь, при всей ничтожности стоящего здесь каботажа, чрез Потю ввозится товаров на 700 тысяч, а вывозится почти на 4 миллиона рублей, что для торговой калитки Закавказья, согласитесь, очень и очень немало².

Но и этого еще недостаточно для совершенного оправдания неблагоприятной наружности потийского порта; нужно вспомнить кое-что из прошлого об этом местечке. Не залезая в глубь времен, не тревожа праха ни Язона, ни Медеи, не поминая лихом даже турок, построивших потийскую крепость, довольно для нашей цели коснуться истории этого поселения лишь с тех пор, когда на устьях Риона окончательно утвердились русские. Тотчас же возникла было мысль основать здесь порт для всего Закавказья. Мысль перешла и в дело. В самый 1828 год переселили сюда жителей Редута и учредили порт. Но десять лет спустя, говорят, вследствие

² Бирж. вед. 1864 г. № 223.

злейших лихорадок, упразднили потийскую крепость, а порт с жителями перенесли обратно в Редут. Наконец, в 1856 году снова повернули порт в Потю и опять потревожили жителей Редута... Вспоминая это прошлое, потийские обыватели недоумевали, как им быть: а оттого-то они плохо и обстраиваются... Капитальные постройки, предпринятые в последнее время по устройству потийской гавани, могут удостоверить долго кочевавших портовиков-жителей, что кочевке их настал конец.

Что до меня, то я верю в возможность будущего для Потю как порта. На юге России, далеко при менее благоприятных обстоятельствах, существуют же портовые города. Ради привилегий и свободы от рекрутской и гильдейской повинностей, в них обыкновенно стекается бедный скитальческий люд, а ради торговли понемногу собираются сюда греки, армяне, наконец, появляются русские чиновники, и станет порт официально существовать во всем как следует, представляя из года в год ведомости о количестве ввоза и вывоза, о числе приходивших и уходивших кораблей... Наружность его, при усердии начальства и обывателей, приукрасится и городским садом, и бульваром, и даже – публичной библиотекой, словом – всем благоустройством наших южных, созданных свыше, привилегированных портов. Так было с другими местечками, возведенными в портовый чин, – отчего же не случится этому и с Потю? Я верю даже, что с ним и лучшее что-нибудь случится... Он уж и теперь имеет

городской сад, хотя не устроил еще достаточных помещений для склада транзитных товаров, которые иногда долго совершенствуются, лежа под открытым небом. Видно, по южному своему темпераменту он больше склонен к удовольствиям, чем к холодным расчетам.

Я очень неравнодушен к будущей его участи; в мое чувство к нему я желал бы увлечь и читателя. А потому поведу вас еще в потийскую крепость, от которой, как от центра, пойдут радиусами улицы будущего города к самому морю. В потийской крепости есть цветы и деревья, и притом, какие цветы и какие деревья! Здесь та тощая гортензия, которую мы выращиваем в горшках, разрослась в громадные кусты, которые куда повыше нас с вами, читатель, и куда пошире наипространнейшего вашего кринолина, читательница! А сколько аромата от золотистых цветов азалии, и какие тут розы, жасмины, лилии и гвоздики! Здесь единственная в России рощица лимонных и померанцевых деревьев... К сожалению, жестокие морозы зимы шестьдесят первого года проникли даже и в этот вполне тепличный уголок Закавказья; от них померанцевые и лимонные деревья в Потии значительно пострадали, так что пришлось их вырубить и дать рост только молодым их побегам... Зато все еще какая тут темная глянцевитая зелень от густой листвы миртовых, лавровых, фиговых деревьев, среди которой местами как жар горят ярко-пунцовые цветы граната! Словом: в этой крепости, построенной в XVI веке турецким генералом Мустафою

во время войн турок с персами, заглушенной потом в тридцатых годах настоящего столетия, возник теперь хорошенький сад, который может служить выставкой здешней богатейшей флоры. В стенах этой крепости воинственными ее обитателями служат разве одни скорпионы, да и те, говорят, от влажности здешнего климата не очень-то ядовиты.

Едва пришлось мне проплыть немного от Поты вверх по Риону, как я услышал возгласы пассажиров: «Что за прелесть! Да это наша Бразилия!».

Не знаю, какова настоящая американская Бразилия, а наша, пририонская, глядит действительно вызывающе на возглас поэтической дичью. Направо – берег Гурии, налево – берег Мингрелии одинаково заросли густым-прегустым девственным лесом; полоса реки, шириною сажень в 200, сереет главной водной аллеей в гуще нескончаемой зелени, а зелень эта глядит перепутанной, скомканной из разнообразной листвы и разнокалиберных стволов чащей. Берега – низменные; корни прибрежных деревьев постоянно моются в воде, а ветви наклоняются к самой поверхности реки. Справа и слева в Рион течет много притоков; все они пробиваются из такого же непроглядного леса; взглянешь в полоску их течения, и опять перед вами сереют боковые водные аллеи, в которых также купаются ветви прибрежных деревьев и кустов. Глушь неприветливая, давящая сердце; простору совсем нет; в воздухе – душные испарения – не то туман, не то мелкий дождь; растительность точно глушит жизнь всего, что

не дерево, не куст, не былинка... Но это только кажется так. А прислушайтесь в тишине вечера к животной жизни этих трущоб: сколько шелеста, шуму и крику! От возни древесного червяка, который, как часовой маятник, стучит в каждом дереве, от жужжания бесчисленных мошек и комаров, от всплеска рыбы на поверхности речной до тысячеголосного кваканья лягушек, до пронизательного крика шакалов – сколько тут разнохарактерных голосов животной природы!

Чем выше, однако, от устья Риона, тем здешние леса все больше теряют вид никем не обитаемой трущобы. На странный среди этой дичи шум колес парохода, особенно же на свисток паровика, начинают выбегать на берег жильцы этих древесных чащ – люди и животные. Те и другие ведут себя совершенно одинаково: большею частию, убежав из-за кустов, наостряют уши по направлению к изумившему их шуму, глядят долго, стоя, как вкопанные, и вдруг – быстрым поворотом назад скрываются в непроглядных кустах. Редкий смельчак из людей простоит на берегу и в ту минуту, когда мимо него скользит пароход, и если уже простоит, то нельзя не залюбоваться его свободной и грациозной позой. Что за красивое племя! Мужчины ли, женщины – одинаково проворные – бегут они на берег, как стройные гончие, вытягивают шеи вперед, точно нюхают воздух, – и вдруг остановятся, точно замрут в этой стремительной позе. Живая модель для художника! А одежды на них всего какая-нибудь цветная тряпка; на головах – одни выющиеся черные кудри; ребятиш-

ки же выбегают и совсем нагие... Помню, в одном месте берега дала осмотреть себя целая семья этих пририонских ди-карей. Кто сидел на траве, кто оперся спиной о дерево, все – в самых непринужденных позах, а впереди, у самого берега, полулежала изжелта-смуглая нагая женщина, глядевшая на пароход совсем как безумная: черные, скомканные косы падали у ней на отвислые желтые груди, глаза ее не моргнули ни разу, точно окаменелые, а изо рта текли слюни... Холодом обдал меня вид этой библейской прокаженной...

Еще выше по Риону – и в лесной чаще, на несколько приподнятых над водой берегах, начинают попадаться маленькие поляны с жилищами туземцев. Все это – отдельные дворы, огороженные кустарником или же досками, перевитыми плющом, тыквами, хмелем. В тени отдельно растущих раскидистых каштанов или яворов стоит обыкновенно приземистая бревенчатая сакля, без окон, без трубы, с соломенной крышей, которая наперед опирается на пять столбов с резными перилами. Под этим передним навесом, составляющим почти половину всей сакли, прохлаждаются жители большую часть дня; в избе только спят или возятся около очага. На дворе – и поле: тут и кукуруза шуршит своими широкими листьями, тут кустится и гоми – здешнее плодовитое просо, тут и виноградная лоза вьется по стволу гиганта-орешника, обильно убираясь фиолетовыми гроздьями. Все эти дары природы здесь нипочем: виноград – общая собственность; за лукошко грецких орехов с вас много за-

просят – шаур, то есть 5 копеек; а местный хлеб из гоми – самую обычную пищу туземцев – и даром не берите: это вполне камень-хлеб...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.